

С. 2
«Обращаюсь ко всем, от кого зависит принятие решений: немедленно остановите кровопролитие»
Не может быть для нас сегодня ничего более важного и близкого к сердцу, чем продолжающееся братоубийство, которое полыхает на территории Украины, унося все новые жизни

С. 4
«Под знаком жизни и смерти проявляется новая иерархия ценностей»
Когда дело доходит до жизни и смерти, ничтожные вещи приобретают какую-то значительность, потому что они человечны, а некоторые большие вещи делаются безразличными, потому что они не человечны

С. 6
Человек – это движение к тому, что о нем задумал Господь
В прошлом номере «Кифы» мы уже рассказывали о конференции «Традиция святоотеческой катехизации: тема человека на основном этапе оглашения». Сегодня мы продолжаем говорить о связанных с ней впечатлениях и находках

Открытая встреча
Сегодня в нашем приложении рассказ белорусского поэта Дмитрия Строцева о том, как в Минске начали выходить в свет первые издания произведений митрополита Сурожского Антония, и о том, с какой частью его наследия мы пока еще совсем не знакомы

Меньше всего эта конференция напоминала «клуб взаимного ублажения»

В последний день работы конференции. Справа налево: профессор священник Георгий Кочетков, Дмитрий Гасак, Светлана Солина

Интервью с проректором Свято-Филаретовского института Дмитрием Гасаком

Перед конференцией Вы рассказывали нашей газете, чего Вы ожидаете от конференции. Получилось ли этого добиться?

Да, вполне. Конференция превзошла мои ожидания. Очень многие аспекты были затронуты. Чем полезно обсуждать темы более или менее узкие (а в этом году мы обсуждали антропологический аспект второго этапа оглашения, собственно, главного его этапа) – тем, что есть возможность подробно обсудить различные моменты и детали и вероучительного, и церковно-практического свойства. У нас был замечательный доклад и дискуссия, касающиеся откровения о сотворении человека, о человеке до грехопадения и после грехопадения. Это важный вопрос, отнюдь не школьный.

Кроме того, обсуждалось множество практических вопросов, начиная от соблюдения оглашаемыми заповедей Моисея, научения их опыту Закона, послушанию заповедям как воле Божьей и заканчивая пастырскими аспектами исповеди за всю жизнь и, в связи с этим, особенностями служения катехизаторов в согласии со священниками.

Что Вас больше всего порадовало?

Как всегда, больше всего радуют люди. С кем-то мы давно знакомы, а когда встречаешься со старыми знакомыми и друзьями, это всегда большая радость, тем более что многие из них живут достаточно далеко – Россия большая страна. Радует и тому, что в конференции участвовали те, кто никогда здесь не был. В том числе представители других конфессий, которые тоже имеют живой опыт оглашения. Порадовало то, что конференция стала настоящим церковным событием по своему тону, по содержанию дискуссий, по отношениям между участниками. При том, что мы не всегда были друг с другом согласны. Меньше всего эта конференция напоминает «клуб взаимного ублажения». Дискуссии были порой достаточно острыми, но всё-таки они не теряли своего соборного характера. Это всегда приносит большую радость.

Ну и, наконец, были и маленькие радости: все три дня конференции Господь дал еще и хорошую погоду.

Окончание на с. 6

Человек с пронизательным сердцем

Антоний, митрополит Сурожский (в миру Андрей Борисович Блум, Влоот), родился 19 июня 1914 года в Лозанне, в семье сотрудника российской дипломатической службы. После революции семья оказалась в эмиграции и в 1923 г. осела во Франции.

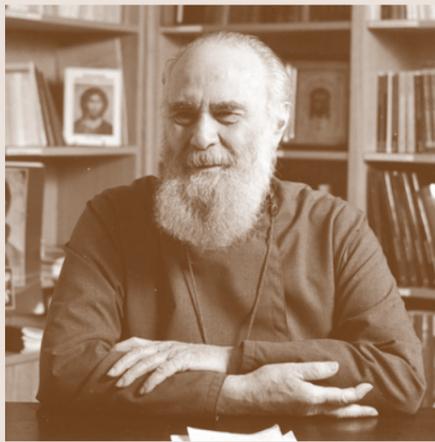
Окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны. 10 сентября 1939 г., перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно принес монашеские обеты; в мантию с именем Антоний (в честь преп. Антония Киево-Печерского) был пострижен 16 апреля 1943 г., под Лазареву субботу. Во время немецкой оккупации врач в антифашистском подполье.

Рукоположен в 1948 году и направлен в Англию духовным руководителем православно-англиканского Содружества сщмч. Албания и преп. Сергия. За годы служения владыки Антония в Великобритании единственный приход, объединявший малочисленную группу эмигрантов из России, превратился в многонациональную епархию, канонически организованную, со своим уставом и многообразной деятельностью.

Скончался 4 августа 2003 года в Лондоне.

Отец Георгий, почему Вы считаете, что современным христианам следует читать полностью все книги митрополита Антония Сурожского?

Дело в том, что есть люди, не часто встречающиеся даже в церкви, с очень тонким духовным слухом, который можно было бы даже назвать слухом мистическим. Есть среди них люди и совсем редкие, обладающие абсолютным слухом: например, Сергей Сергеевич Аверинцев, некоторые другие величайшие мыслители, богословы, философы. Их надо, действительно, впитывать в себя, в свою жизнь, доводя до самого сердца. Среди таких людей с утонченным слухом можно назвать и митрополита Антония. Конечно, он, подобно Сергею Иосифови-

К столетию со дня рождения митрополита Сурожского Антония мы публикуем интервью со священником Георгием Кочетковым

чу Фуделю или отцу Александру Меню, отцу Всеволоду Шпиллеру, отцу Виталию Боровому, наиболее полезен новоначальным, тем, кто только начинает устройство своей церковной жизни, подготовку к служению Богу и Церкви, Богу и ближним. В это время жизни человеку особенно важно читать этих авторов, потому что не всегда можно дать новоначальным даже того же Сергея Сергеевича Аверинцева, уж не говоря о Николае Александровиче Бердяеве, отце Сергии Булгакове и т. п. Полагаю, людям надо это знать, потому что рекомендовать какого-либо автора для чтения «сплошь», полностью, в полном объеме – очень ответственное и важное дело. Вот в этом ряду и стоит имя владыки Антония Сурожского.

Окончание на с. 4

Осознание того, что нужно трудиться над собой, приходит к человеку не сразу

Интервью с протоиереем Дмитрием Карпенко, секретарем Губкинской епархии

На конференции много говорили о теме человека на основном этапе катехизации. Но Вас как человека, активно занимавшегося миссией в течение многих лет, мы хотели бы спросить: а что можно говорить на эту тему в миссионерском поле? Скажем, есть ощущение, что на уровне миссии человеку невыносимо откровение о грехопадении и он не способен, пока хотя бы немножко не напитается теплом жизни Церкви, жизни с Богом, думать о покаянии. Тем не менее люди живут перед лицом этого зла и греха. Что-нибудь можно здесь сказать? Или вообще эту тему не стоит затрагивать?

Нет, конечно, говорить об этом нужно. И прежде всего обращаться к конкретному человеку – исходя из всех особенностей его жизни, из его внутренних запросов. Нужно отвечать на эти насущные вопросы, без которых невозможно говорить о спасении человеческой души.

Тема грехопадения здесь, конечно, центральная. Но проблема заключается

в том, что современный человек, который обитает вне границ Церкви (хотя формально, может быть, к ней принадлежит по факту крещения), чаще всего живет, совершенно не задумываясь над тем, как он живет, что делает, что правильно, что неправильно. Может быть, изредка какие-то проблески совести его облачают. Но чаще всего человек научается эти внутренние позывы как-то заглушать, не давать им прозвучать в полную меру.

Вот на это и важно обращать внимание людей, может быть, еще совершенно не ведущих какой-то работы над собой. На то, что нельзя жить как придется, нельзя жить просто так, походя; что всё требует вложений, усилий, внимания, всё требует осмысленности.

Когда человек начинает это осознавать, то можно на самых простых примерах об этом говорить: что любая вещь, элементарно оставленная без внимания, рано или поздно приходит в негодность. Дом, оставленный без внимания, без попечения, просто ветшает, покрывается пылью. То же самое касается растений, животных, за которыми нужен подлинный уход. То же самое касается нашей души, нашего умственного состояния...

Окончание на с. 5

Официальные новости

«Обращаюсь ко всем, от кого зависит принятие решений: немедленно остановите кровопролитие»

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил с обращением к Русской православной церкви

«Н е может быть для нас сегодня ничего более важного и близкого к сердцу, чем продолжающееся братоубийство, которое полыхает на территории Украины, унося все новые жизни, – отмечается в обращении. – Что происходит сегодня, прежде всего, в Донецкой и Луганской областях, и как следует относиться к происходящему членам нашей Святой Церкви? В южных пределах исторической Руси разгорелась ныне междоусобная брань».

По словам Его Святейшества, «результаты кровавого конфликта ужасают. Уже не сотня, как было зимой в Киеве, а многие, многие сотни погибших, тысячи раненых и оставшихся без крова. Лишь дьявол может праздновать победу, когда в сечи сталкиваются братья, уничтожая друг друга, нанося увечья, ослабляя жизненные силы народа».

«Русская Православная Церковь, Церковь духовно неделимой Руси, не может разделять единый народ Божий по политическому, национальному, социальному или любому иному прин-

ципу», – подчеркнул Предстоятель. Ведь «Церковь исполняет миссию, вверенную ей Господом Иисусом Христом, а не заказы или поручения со стороны тех или иных политических сил. Тем и отличается она от некоторых религиозных по названию, но мирских по сути организаций».

«Междоусобные брани уже не раз случались в нашей истории. Именно они привели к ослаблению Киевской Руси и падению разобщенных княжеств под натиском Батюга, к страшному Смутному времени в русском государстве в семнадцатом веке, к чудовищному по масштабам кровопролитию и установлению на долгие годы безбожного режима в начале века двадцатого, – говорится далее в обращении. – Уроки истории также показывают, что междоусобная брань всегда порождает угрозу покорения Отечества внешним силам. И встарь, и ныне перед нами встает в таких случаях опасность потери подлинного суверенитета народа. Суверенитета, который выражается в возможности и

способности устраивать свою жизнь на основе тех нравственных, духовных и культурных ценностей, что были вместе с Божественной благодатью восприняты нашими предками в Киевской купели Крещения Руси, взращивались и усваивались на протяжении многовековой истории».

«Обращаюсь ко всем, от кого зависит принятие решений: немедленно остановите кровопролитие, вступите в реальные переговоры для установления мира и справедливости. В междоусобной брани не может быть победителей, не может быть политических завоеваний, которые были бы дороже жизни людей», – заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Предстоятель Русской Церкви благословил во всех храмах совершать особую молитву о мире и преодолении междоусобной брани на Украине и призвал верующих к сугубому хранению начавшегося поста: «Призываю всех чад Русской Православной Церкви к усиленной молитве, к сугубому хранению

начавшегося поста Святых апостолов. Особый призыв – к монашеским обителям: молитесь ныне ко Господу, как умели молиться в страшные времена потрясений наши благочестивые предки; как во времена междоусобной брани умоляли Отца Небесного о ее прекращении подвигоположники русского монашества преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, как молился о прекращении ненавистной розни мира сего примиритель русских земель преподобный Сергей Радонежский, как зывали ко Господу во дни кровавого хаоса и гражданской войны святитель Тихон, Патриарх Всероссийский, и священномученик Владимир, митрополит Киевский. Во всех храмах Церкви нашей пусть неустанно совершается теперь особая молитва о мире и преодолении междоусобной брани, текст которой я сегодня благословил к употреблению».

Пресс-служба
Патриарха Московского и всея Руси

Церковь и общество

Новоспасский монастырь, Департамент культуры города Москвы и Музей истории ГУЛАГа провели акцию «Коммунарка – возвращение памяти»

8 июня 2014 года состоялся субботник на территории бывшего спецобъекта НКВД «Коммунарка». В течение нескольких часов волонтеры расчищали местность от засохших деревьев, древней поросли и кустарников. Акция «Коммунарка – возвращение памяти» была проведена по инициативе Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, Департамента культуры города Москвы и Музея истории ГУЛАГа.

Расчистка территории необходима для выявления мест массовых захоронений расстрелянных в 1937–1941 гг. в Москве людей.

Благодаря архивной информации на сегодняшний день известны имена около 6,5 тысяч репрессированных, среди которых было много пострадавших за Христа.

После исследования территории и обозначения мест захоронений планируется создать в «Коммунарке» государственный мемориальный комплекс, входящий в единую музейно-мемориальную инфраструктуру столицы.

Мероприятия по расчистке территории будут продолжаться. Желающие могут принять участие в следующем субботнике.

Сайт Московской епархии

Патриотизм и благодарность

6 июня 2014 года по инициативе Свято-Стефановского братства в помещениях гимназии искусств г. Вельска состоялся круглый стол на тему «Патриотизм. Патриотическое воспитание». Ведущим круглого стола стал член Геральдического Совета при президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) в Твери, заместитель председателя геральдической комиссии при губернаторе Тверской области, почётный работник науки и образования Владимир Лавренов, а участниками – жители города, посетившие предложенную тему достойной вниманием.

По мнению ведущего, в основу патриотического воспитания может быть положено лишь то, что объединяет людей. С этой точки зрения патриотическое воспитание не идеологично, поскольку идеология – это то, что разделяет. В советский период нашей истории патриотические чувства в основном воспитывались на примерах героизма людей, явленного в годы Великой Отечественной войны.

А на чем можно воспитывать патриотические чувства в наше время? Это может быть память и культура. Память о родителях, бабушках, дедушках, друзьях, учителях, которые в свое время оказали влияние на формирование личности человека. В этом смысле память и культура – это и есть то, что объединяет людей.

Во время обсуждения участники круглого стола говорили о том, что патриотическое воспитание начинается в семье, но по мере взросления ребенка неизбежно становится заботой и педагогов, а для этого важны квалификация и личные качества работников в области образования. Кроме того, воспитание в традициях православной веры является основой формирования в человеке патриотического отношения к Родине.

Владимир Лавренов рассказал, что с января 2013 года вступили в силу дополнения в Федеральный закон Российской Федерации «О днях воинской славы и памятных датах России», согласно которым 1 августа признано Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. В этом году столетие начала войны, и на центральной улице г. Твери предполагается разместить портреты Георгиевских кавалеров, что, по мнению Владимира Лавренова, является «серьезным камнем в закладку» общего единства и преодоления разделения.

Но если историческая память – одно из условий единения людей, на котором может строиться патриотическое воспитание, то неизбежен вопрос: какой традиции и какой страны мы являемся наследниками? Если мы наследники тысячелетней традиции, то что это значит? Возвращение к тысячелетней традиции – в первую очередь возвращение к вере, которую исповедовали наши отцы, деды, прадеды. Поэтому перед ними, к слову сказать, не стояла проблема

В центре – ведущий круглого стола Владимир Лавренов

патриотического воспитания. Для них вера была важной частью собственного мироощущения, понимания того, что ты имеешь отношение не только к прожитым годам, но и к Вечности.

На вопрос к ведущему одного из участников круглого стола: «А что для Вас Родина?» – Владимир Ильич ответил, что Родина – это семья, в первую очередь это место, где ты родился, живешь, получил образование. Понятие «патриотизм» связано с простым забытым чувством – благодарностью. Благодарность к матери, отцу, учителю, Церкви, в которой тебя крестили, чиновнику, который помог когда-то делом или деньгами. Именно чувство благодарности рождает патриотизм.

Марина Грачева, Татьяна Тарасова
Фото Татьяны Олонкиной
Информационная служба Преображенского братства

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание»,
тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305
(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 27 июня 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 29 июня 2014 г.

gazetakifa.ru

Духовное образование

В Свято-Филаретовском институте состоялись защиты выпускных квалификационных работ

Восемнадцать соискателям была присвоена степень бакалавра богословия

17 июня в Свято-Филаретовском институте состоялись защиты выпускных квалификационных работ. Государственная аттестационная комиссия работала под руководством ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института доктора исторических наук Алексея Мазурова. По итогам защит восемнадцати соискателям была присвоена степень бакалавра богословия.

В работе Ольги Сеницыной была подробно реконструирована педагогическая деятельность Александры Штевен-Ершовой в контексте изменений, происходивших в народном образовании в России конца XIX века. Соискательница рассмотрела особенности учебного процесса в школах А.А. Штевен, в частности, необычную не только для государственных, но и для церковных школ того времени практику построения уроков на основе чтения Евангелия.

Соискательница Валентина Савескул исследовала структуру, смысловые акценты и особенности совершенства в различных литургических традициях чина отречения от сатаны и сочетания со Христом, который в современной практике непосредственно примыкает к таинству крещения. Проанализировав источники, она сделала ряд выводов о возникновении и развитии данного чина, в том числе о его генетической связи с экзорцизмами, таинством предкрещального покаяния и принесением обетов крещения. По своему смыслу чин отречения от сатаны и сочетания со Христом представляет собой акт решительного размежевания катекумена с прошлым, в котором он был поработан злу. Одна из тенденций в историческом развитии чина – что при его внешнем усложнении или разрастании (например, многократном повторении формулы отречения) редуцируется его важнейшая смысловая часть – сама подготовка к крещению и свидетельство о покаянии и вере крещаемого.

Выпускники после защиты

Сергей Чусов рассмотрел содержание понятий «ересь» и «раскол», сравнив их употребление в трудах св. Иринея Лионского и св. Киприана Карфагенского – отцов церкви, в трудах которых указанные понятия занимают заметное место. Рассмотрев конкретные виды ересей и расколов, против которых они выступали, автор работы выявил критерии, которые могут быть усмотрены за этим. Соискатель сделал выводы и по более общим вопросам о нормативном учении церкви и представлениях о ее границах, из которых исходили данные отцы.

Также состоялись защиты работ Ольги Ганшиной «Ветхозаветный триодный лекционный в богослужении византийской традиции: состав и история формирования», Елены Семенович «Переводческая деятельность в системе миссионерских взглядов Н.И. Ильминского», Ирины Шейченко «Образ Креста Господня в православной гимнографии и иконографии», Ольги Борисовой «Содержание и критерии подлинности богослужебной и личной молитвы в трудах и проповедях св. прав. Иоанна Кронштадтского», Елены Майзиль «Воплощение принципа церковности в катехизации древней церкви (I–V вв.)», Романа-Чингиза Бахадова «Община как экклезиологическая категория в проповедях и письмах архим. Сергия (Савельева) и сщмч. Сергия Мечёва» и других.

Алексей Мазуров, председатель Государственной аттестационной комиссии: «Впечатление от работ очень хорошее. Работы ровные, уровень высокий, о чем свидетельствуют и выставленные оценки – “пятерки” и “четверки”. Очень интересна тема о совершении чина отречения от сатаны и сочетания со Христом, запомнилась работа о выдающемся деятеле педагогики конца XIX века Александре Алексеевне Штевен-Ершовой, а также о представлениях свв. Иринея Лионского и Киприана Карфагенского о ересь и расколах. Думаю, защиты стали и важным этапом личностного роста для каждого студента. Защитив такую работу, человек сам начинает на многие вещи смотреть по-другому».

Зоя Дашевская, декан богословского факультета СФИ: «Каждая работа позволила показать квалификацию студента, в чем и состоит ее главная задача, и в то же время проработать, обобщить, подытожить какой-то важный материал для церковной истории, литургии, богословия, догматики. Там, где, казалось бы, все уже испытано и перепаханно, на самом деле можно увидеть проблему, если есть живой, верующий и заинтересованный взгляд, как, например, в работе Сергея Чусова. Проблема, которую он осветил, показывает, что прикрываясь словосочетанием “яко святые отцы рекоша”, мы на самом деле плохо знаем аутентичные тексты, плохо знаем, о чем отцы на самом

Государственная аттестационная комиссия. Слева направо: декан богословского факультета СФИ Зоя Дашевская, проректор СФИ Дмитрий Гасак, председатель комиссии, ректор Московского государственного областного социально-гуманитарного института доктор исторических наук Алексей Мазуров, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургии Давид Гзгян, зав. кафедрой Священного писания и библейских дисциплин Лариса Мусина

деле “рекоша” и “писаша” и в чем было существо их полемики или богословской аргументации. Точно так же и в работе Валентины Савескул было очень важно не только проследить историю появления и развития чина отречения от сатаны и сочетания со Христом, но и разобраться в существе дела, в том, какое место этот чин занимает в процессе катехизации. Можно вспомнить работу Ирины Шейченко, которая собрала и обобщила все богослужебные тексты, посвященные Кресту Господню. Оказывается, до нее такой кропотливый труд просто никто не проделывал.

Для каждого студента важными были и усердие, и личный интерес к теме, и серьезная проработка вопроса. Именно это сочетание позволяет студенту показать свою квалификацию и в то же время вложить что-то – пусть малое, пусть скромное – в сокровищницу церковной мысли. Зачем перепевать уже сказанное другими? Очень важно сказать что-то новое. Господь говорит: «Вот, Я творю все новое» (Откр 21:5). И в науке ценится прежде всего именно это. Всегда можно услышать вопрос: какова научная новизна исследования? А мы не всегда решаемся осветить ту или иную проблему, разобраться в том или ином вопросе. Само образование и должно порождать такой интерес».

София Андросенко
Фото: Александра Строцова
Информационная служба СФИ

Новости православных братств

Жизнь на высоте свободы

Свято-Петровское малое православное братство представило в Петербурге новую радиопрограмму – «О свободе небывалой»

IAmRadio – необычное интернет-радио, основанное православным священником Дионисием Хариним и собравшее в команду молодых талантливых профессионалов, объединенных интересом к жизни, общими целями и планами на будущее. На IAmRadio можно услышать музыку разных жанров, радиоспектакли, новости, передачи о том, как делать кино или писать сценарии, и многое другое. Рассчитано радио на ищущих, сомневающийся, активных и творческих людей.

Помимо самого эфира, у IAmRadio есть еще множество проектов. Например, сотрудники радио решили создать школьную стенгазету для двух петербургских школ: газету делают сами дети и подростки, а помогает им профессиональный дизайнер. Выглядит она удивительно – как портфель с множеством карманов, из которых можно доставать разные материалы, от комиксов до серьезных статей. Все это делают сами подростки и дети с минимальной

правкой взрослого редактора. Другой проект – работа с детьми из детских домов: сотрудники радио проводят с ними мастер-классы. Ребята при желании могут поработать радиоведущими, сценаристами или режиссерами. Последний проект, над которым сейчас работает радио, – радиофикация «Крестов» и других следственных изоляторов Петербурга. Оказывается, там есть немало желающих слушать IAmRadio как среди сотрудников, так и среди ожидающих суда заключенных.

16 июня IAmRadio и Свято-Петровское братство представили совместный проект – цикл передач «О свободе небывалой». Каждая передача будет посвящена одному человеку, о котором можно сказать, что он действительно имеет отношение к такой «небывалой свободе». Но о какой свободе идет речь? Об этом на презентации рассказала Юлия Балакшина, председатель братства, участница первой, уже записанной, передачи: «Герои нашей передачи – люди,

которые смогли жить по-христиански всерьез – не наполовину, не на четверть, не условно, а всерьез отдавая свою жизнь Христу. Ведь по-настоящему небывалая свобода может быть только христианской, евангельской, когда человек выбирает Христа, который и делает его свободным. При этом человек не всегда может напрямую называть себя христианином, связывать себя с Его именем: он может знать Христа внутренне, по духу. Мы понимаем, что не все наши герои всю свою жизнь смогли прожить на высоте такой свободы, однако о каждом из них можно сказать, что такую свободу они действительно вкусили».

Интересно, что среди участников передач кроме гостей, которые рассказывают о герое программы, обязательно присутствует молодежь. Молодые люди вместе с ведущим задают гостю вопросы о человеке, которого тот представляет. Они не столько расспрашивают о фактах из биографии героя, сколько пытаются понять – чем жил тот или иной человек,

как достигал внутренней свободы и, конечно, в чем она проявилась.

Анастасия Наконечная, ведущая программы, рассказала о будущих героях. На сегодняшний день подготовлены к эфиру несколько выпусков: о матери Марии (Скобцовой), Александре Солженицыне, протопресвитере Александре Шмемане. В будущем планируется вспомнить самых разных людей: поэтов, писателей, богословов, мирян, монахов, священников, епископов, причем как православных, так и представителей других конфессий. Возможно, уже в ближайшее время слушатели познакомятся с программами, посвященными Александру Пушкину и Федору Достоевскому, Николаю Бердяеву и Сергею Фуделю, митр. Антонию Сурожскому и Николаю Неплюеву.

Передача будет выходить по воскресеньям в 22.30. Слушать ее можно будет по адресу: <http://IAmRadio.ru/>. Первый эфир был 22 июня.

Информационная служба
Преображенского братства

Человек с пронизательным сердцем

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Он был человеком живого пронизательного сердца и ума, с мистическим опытом и чувством высокой ответственности за настоящее и будущее церкви. Он был настоящим пастырем и тонким психологом, человеком открытым и в то же время отнюдь не тем, кто не осознаёт или не держит границ как во внутренней, так и во внешней жизни. Чтение его трудов очень полезно, оно

Митрополит Антоний и Сергей Сергеевич Аверинцев

наводит на размышления, настраивает на возвышенный лад всякого человека, обращающегося к его слову. Конечно, наряду с митрополитом Антонием можно было бы еще рекомендовать, скажем, афонского старца Силуана (Антонова), мать Марию (Скобцову) и других святых.

Надо признать, что даже у некоторых прославленных святых мы не видим абсолютного мистического слуха. Так что, хотя митрополит Антоний ещё не канонизирован, но чтение его книг в определённом отношении бывает полезнее чтения некоторых святоотеческих работ. И вникнуть в его наследие, принять его дух, приобщиться творчески к его служению, к его опыту – это большая и серьёзная задача для людей нашего времени, которые тоже нередко лишь начинают свой духовный путь и находятся как раз на том уровне новоначальных, о которых я только что говорил. Сюда же можно включить даже немалый ряд священнослужителей.

То есть Вы рекомендуете его читать всем членам братства и именно целиком?

Я советую читать его как можно больше наряду с другими названными мною авторами, насколько у нас хватает духовных, сердечных и интеллектуальных сил, особенно в первые годы после оглашения – в первые три, пять, десять лет жизни в церкви. Человеку многое надо

усваивать в церкви, и мне кажется, что наследие владыки Антония здесь не должно быть потеряно, оно должно быть именно усвоено, как я и сказал.

А кого еще Вы поставили бы в этот ряд людей с особым мистическим слухом, с чьи-то трудами стоит знакомиться как можно полнее? Почему, например, Вы не называете отца Александра Шмемана, отца Сергия Булгакова или отца Тавриона (Батозского)?

Отца Тавриона я не назвал только потому, что от него осталось лишь небольшое количество записей его проповедей; сам он ничего не писал. Он тоже святой человек. Конечно, я не называл о. Сергия Булгакова или Николая Александровича Бердяева, потому что они явно не для новоначальных. А митрополит Антоний доступен всем, у кого есть хотя бы минимальная платформа – просто живая вера. Даже люди, мало что знающие в богословии, в истории церкви, мало разбирающиеся в святых отцах и не всегда способные читать труды тех или иных выдающихся святых, всегда могут читать владыку Антония, как и отца Александра Шмемана.

Источник: Сайт Преображенского братства <http://psmb.ru>
Беседовала Анастасия Наконечная

«Под знаком жизни и смерти проявляется новая иерархия ценностей»

Из воспоминаний митрополита Антония об участии во Второй мировой войне

Знаете, когда дело доходит до жизни и смерти, некоторые вопросы совершенно снимаются и под знаком жизни и смерти проявляется новая иерархия ценностей: ничтожные вещи приобретают какую-то значительность, потому что они человечески, а некоторые большие вещи делаются безразличными, потому что они не человечески. Скажем, я занимался хирургией, и, я помню, мне ясно было, что сделать сложную операцию – вопрос технический, а заняться больным – вопрос человеческий, и что этот момент самый важный и самый значительный, потому что сделать хорошую техническую работу может всякий хороший техник, но вот человеческий момент зависит от человека, а не от техники.

Госпиталь был на 850 мест, так что было довольно много тяжелораненых, мы очень близко к фронту стояли, и я тогда, как правило, проводил последние ночи с умирающими, в каком бы отделении они ни были. Другие хирурги узнали, что у меня такая странная мысль, и поэтому меня всегда предупреждали. В этот момент технически вы совершенно не нужны: ну, сидишь с человеком – моллой, двадцати с небольшим лет, он знает, что умирает, и не с кем поговорить. Причем ни о жизни, ни о смерти, ни о чем таком, а о его ферме, о его жатве, о корове – о всяких таких вещах. И этот момент делается таким значительным, потому что такая разруха, что это важно. И вот сидишь, потом человек заснет, а ты сидишь, и изредка он просто щупает: ты тут или не тут? Если ты тут, можно дальше спать, а можно и умереть спокойно.

Или мелкие вещи; помню одного солдата, немца, – попал в плен, был ранен в руку, и старший хирург говорит: «Убери его палец» (он гноился). И, помню, немец сказал тогда: «Я часовщик». Понимаете, часовщик, который потеряет указательный палец, это уже конченный часовщик. Я тогда взял его в оборот, три недели работал над его пальцем, а мой начальник смеялся надо мной, говорил: «Что за дурь, ты в десять минут мог покончить со всем этим делом, а ты возишься три недели – для чего? Ведь война идет – а ты возишься с пальцем!» А я отвечал: «Да, война идет, и потому я вожусь с его пальцем, потому что это настолько значительно, война, самая война, что его палец играет колоссальную роль, потому что война кончится, и он вернется в свой город с пальцем или без пальца».

И вот этот контекст больших событий и очень мелких вещей и их соотношение сыграли для меня большую роль – может быть, это покажется странно или смешно, но вот что я нашел тогда в жизни, и свой масштаб в ней нашел тоже, потому что выдающимся хирургом я никогда не был и больших операций не делал, а вот это была жизнь и именно глубокая жизнь взаимных отношений.

Потом кончилась война и началась оккупация, я был во французском Сопротивлении три года, потом снова в армии, а потом занимался медицинской практикой до 1948 года. В Сопротивлении я ничего не делал интересного; это самая, можно сказать, позорная вещь в моей жизни, что я ни во время войны, ни во время Сопротивления ничего никогда не сделал специально интересного или специально героического.

«...» У нас был знакомый старый французский врач, еще довоенного издателя, который уже был членом французского медицинского Сопротивления, и он меня завербовал. Заклучалось это в том, что ты числился в Сопротивлении, и если кого-нибудь из Сопротивления ранили, или нужны были лекарства, или надо было кого-то посетить, то посылали к одному из этих врачей, а не просто к кому попало. Были ячейки, приготовленные на момент освобождения Парижа, куда каждый врач был заранее приписан, чтобы, когда будет восстание, каждый знал, куда ему идти. Но я в свою ячейку так и не попал, потому что за полтора-два года до восстания меня завербовало французское «пассивное Сопротивление», и я занимался мелкой хирургией в подвальном помещении госпиталя Отель-Дё, и поэтому, когда началось восстание, я пошел туда – там было гораздо больше работы, там я был нужнее. Кроме того, очень было важно, чтобы там были люди, которые могли законно требовать новых припасов лекарств и новых инструментов, чтобы их переправлять: к нам приходили из этих ячеек, а мы им передавали казенные инструменты, иначе им невозможно было бы получить их в таком количестве. Одно время французская полиция поручила мне заведовать машиной «скорой помощи» во время бомбежек, и это давало возможность перевозить куда надо нужных Сопротивлению людей.

А еще я работал в больнице Брока, и немцы решили, что отделение, где я работал, будет служить отделением экспертизы, и к нам посылали людей,

которых они хотели отправлять на принудительные работы в Германию. А немцы страшно боялись заразных болезней, поэтому мы выработали целую систему, чтобы, когда делались рентгеновские снимки, на них отпечатывались бы какие-нибудь туберкулезные признаки. Это было очень просто: мы их просто рисовали. Все, кто там работал, работали вместе, иначе было невозможно, – сестра милосердия, другая сестра милосердия, один врач, я, мы ставили «больного», осматривали его на рентгене, рисовали на стекле то, что нужно было, потом ставили пленку и снимали, и получалось, что у него есть все что нужно. Но это, конечно, длилось не так долго, нельзя было без конца это делать, нужно было уходить. Мы ведь никого не пропускали: если не туберкулез, то что-нибудь другое, но мы никого не пропустили за год с лишним. Ну, объясняли, что, знаете, такое время: недоедание, молежда некрепкая... Потом немцы все же начали недоумевать, и тогда я принял за другое: в Русской гимназии преподавать – от одних калек к другим!

Еще одно интересное открытие периода войны, оккупации. Одна из вещей, с которыми нам в жизни, и тем более в молитве, приходится бороться, это вопрос времени. Мы не умеем – а надо научиться – жить в мгновении, в котором ты находишься: ведь прошлого больше нет, будущего еще нет, и единственный момент, в котором ты можешь жить, это теперь, а ты не живешь, потому что застрял позади себя или уже забегаешь вперед себя. И дознался я до чего-то в этом отношении милостью Божией и немецкой полиции. Во время оккупации я раз спустился в метро, и меня сцапали, говорят: покажи бумаги! Я показал. Фамилия моя пишется через два «о»: Bloom. Полицейский смотрит, говорит: «Арестовываю! Вы – англичанин и шпион!» Я говорю: «Помилуйте, на чем вы основываетесь?» – «Через два «о» фамилия пишется». Я говорю: «В том-то и дело – если бы я был англичанин-шпион, я как угодно назывался бы, только не английской фамилией». – «А в таком случае, что вы такое?» – «Я русский». (Это было время, когда советская армия постепенно занимала Германию.) Он говорит: «Не может быть, неправда, у русских глаза такие и скулы такие». – «Простите, вы русских путаете с китайцами». «А, – говорит, – может быть. А все-таки, что вы о войне думаете?» А поскольку я был офицером во француз-

Отец Антоний с матерью и бабушкой. 1949 г.

ском Сопротивлении, ясно было, что все равно не выпустят, и я решил хоть в свое удовольствие быть арестованным. Говорю: «Чудная война идет – мы же вас бьем!» – «Как, вы, значит, против немцев?» – «Да». – «Знаете, я тоже (это был французский полицейский на службе у немцев), убегайте поскорее». Этим и закончилось, но за эти минуты случилось что-то очень интересное: вдруг все время, и прошлое, и будущее, собралось в одно это мгновение, в котором я живу, потому что подлинное прошлое, которое на самом деле было, больше не имело права существовать, меня за это прошлое стали бы расстреливать, а того прошлого, о котором я собирался им рассказывать во всех деталях, никогда не существовало. Будущего, оказывается, тоже нет, потому что будущее мы себе представляем, только поскольку можем думать о том, что через минуту будет. И, осмыслив все это после, я обнаружил, что можно все время жить только в настоящем. И молиться так – страшно легко. Сказать «Господи, помилуй» нетрудно, а сказать «Господи, помилуй» с оглядкой на то, что это только начало длиннющей молитвы или целой всенощной, пожалуй, гораздо труднее.

Говорят члены оргкомитета конференции СФИ по катехизации

Меньше всего эта конференция напоминала «клуб взаимного ублажения»

Начало на с. 1

Интервью с проректором Свято-Филаретовского института Дмитрием Гасаком

Каковы перспективы на следующий год?

Планов, как всегда, больше, чем сил для их реализации. Есть идеи продолжать огласительную тематику. Среди первых – вопрос воцерковления особых катехуменов. В конце нынешней конференции эта тема с особой ясностью и остротой прозвучала в одном из докладов. И материала набирается на целую конференцию. Это чрезвычайно актуальная тема. Здесь не то что традиция, а даже современный опыт не собран. А он имеет очень много аспектов. Это одна тема. Вторая – это, конечно, продолжение разговора о различных этапах оглашения как духовного пути входящих в Церковь людей. Отец Георгий, в частности, предложил посвятить одну из конференций (может быть, уже в следующем году) таинствоводству, научению оглашаемых таинствам церкви, мистагогии. Параллельно участники конференции «накидывали» и другие идеи. Много актуальных проблем и в области литургической жизни, и в области пастырской деятельности, и в общинной и приходской жизни. Как всегда, перспективы большие. Посмотрим, какую тему организационный комитет выберет на следующий год. Надеюсь, что это будет не только интересно, но станет и духовным, и богословским движением вперед, о чем мы всегда стараемся заботиться.

О вдохновении

Интервью с сотрудником Методического центра по миссии и катехизации при СФИ Владимиром Якунцевым

Что было самой яркой чертой этой конференции?

Сложно что-то особенно выделить. В самом по себе устройении конференции не было ничего неожиданного – все формы достаточно привычные. Но это не уменьшает, а, наоборот, еще более подчеркивает качество конференции и свидетельствует о действии Божьем, о явлении Церкви. Ведь когда из обычного делается необычное, из ничего делается все – значит, есть явление Церкви. Это – не ново, но всегда удивляет.

В связи с этим вопрос: все-таки среди участников есть и те люди, которые сами практически проводят систематическую катехизацию, и те, кто только к этому присматривается или занимается этим в очень усеченном виде. Как Вам кажется, удалось ли вести разговор так, чтобы он включал всех – и тех и других?

Это очень сложная задача, но решать её, как мне кажется, почти всегда удавалось. Не могу сказать что всегда, потому что были, на мой взгляд, моменты, когда разговор велся чуть-чуть «во внутреннем ключе» нашего братского опыта катехизации. Но это не довлекло, не выпячивалось – и если брать ситуацию в целом, то, как мне кажется, все были включены, все получали назидание от Господа, и это принесло определенные плоды. Для тех, кто занимается катехизацией, плоды очевидны. А из тех, кто не практикует длительную катехизацию, очень многие всерьез заинтересовались. (Этому и я свидетель, хотя, возможно, не все знаю.) А значит, их не подавил монументальный опыт святоотеческой катехизации; он не стал для них железобетонной глыбой, которая всех внутренне раздавила, так что захотелось бы поскорее отсюда убежать. А, наоборот, родилось вдохновение, стало понятно, что святоотеческая традиция катехизации в Церкви должна актуализироваться: это как раз то, что нужно!

Что для Вас лично за эти дни было самой большой радостью?

Я не буду оригинальным. Первое – это встреча с новыми людьми и встреча с теми, с кем я очень хорошо знаком, но с кем, к сожалению, редко вижу. Второе – это то, что меня как преподавателя, как научного сотрудника института конференция действительно обогатила. Что это значит? У меня расширилось поле для работы. Есть материалы, есть «зацепки», есть даже разработки, которые нужно доводить до ума. Слава Богу!

Беседовали Александра и Елисавета Колымагины

В прошлом номере «Кифы» мы уже рассказывали о конференции «Традиция святоотеческой катехизации: тема человека на основном этапе оглашения». Сегодня мы продолжаем рассказ о конференции и размышления о тех вопросах, которые возникали в ходе обсуждения. В многочисленных интервью об этом говорят участники конференции – священнослужители и катехизаторы различных епархий Русской православной церкви, а также преподаватель католической семинарии.

Осознание того, что нужно трудиться над собой, приходит к человеку не сразу

Интервью с протоиереем Дмитрием Карпенко, секретарем Губкинской епархии:

Устраниться легче всего, а над тем, что действительно даст плод, – над ним надо потрудиться. И это осознание того, что нужно трудиться над собой, приходит к человеку не сразу. Но большая часть людей всё-таки пытается размышлять, пытается как-то ставить вопросы и отвечать на них.

Чаще всего люди не имеют среды – такой среды обитания, где бы эти внутренние позывы, внутренние запросы находили какой-то отклик у окружающих, потому что все мы существуем в среде непрекращающихся дел, забот, какой-то постоянной суеты. Когда время приходит – жизнь проходит, человек оглядывается, а оглянуться не на что – ничто не приносит радости.

И вот, конечно, нам – православным христианам, духовенству, мирянам, людям, которые не хотят просто называться христианами, но действительно стремятся как-то жить христианской жизнью – важно обращать внимание на ближних, на родных, на тех, с кем мы имеем общение, и пытаться на те внутренние запросы, которые у них возникают, дать какой-то ответ, дать какой-то отклик. Стать миссионерами для тех людей, которые рядом с нами.

Все мы имеем те или иные занятия в этом мире. Мы же не только в храм ходим, не только среди единоверных нам братьев и сестер общаемся. У нас есть свои обязанности в этой жизни. И мы часто общаемся с людьми нецерковными. Нам важно каждому на своем месте попытаться увидеть, услышать другого человека, натолкнуть на какое-то размышление. И постепенно человек задумывается о том, как он живет, что он делает. Через эти вопросы он выйдет на какой-то новый этап своего развития, своего бытия в земной жизни.

То есть в первую очередь важно ставить вопросы, а не давать ответы?

Возможно, да. Немножко задевать за живое, чтобы человек понимал, что нельзя в каком-то анабиозе находиться, надо просыпаться от спячки. Это очень важно.

Еще один вопрос: бывает, что неправильно или не вовремя, может быть, преждевременно сказанное слово о том, как важно преодолеть грехи, может человека подавить, и он из чувства протеста или из чувства, что «ни в чем не виноват» будет отрицать всякую необходимость покаяния. Более того, он будет говорить: «Всё хорошо в моей жизни, не приставайте ко мне! Я не хуже других, а значит, то, что я делал (а это порой смертные грехи), не так страшно, как ты говоришь». Есть ли из этих ситуаций потом, если уж так случилось, какой-нибудь выход? Как можно выходить из ситуации, когда человек говорит: «Нет. Я во всем хороший. Это все было хорошо. Не трогайте меня» и чувствует себя в этот момент спокойно, комфортно, нормально, хотя в его жизни есть страшные вещи, которые требуют покаяния?

Как из этих ситуаций выходить?.. Действительно, истинное покаяние для человека – это очень большая проблема. Человека ставят в очень неудобную ситуацию. Мы ведь привыкли смотреть на других и говорить: «А чем мы хуже? Мы, собственно, ничего такого плохого не делаем!» Это одна из двух крайностей; вторая – это когда человек говорит: «Я грешен во всем» – это другая сторона медали, отговорка, тоже нежелание каяться, по сути.

Я обычно говорю об этом так (понятно, что говорю в формате обычной приходской исповеди, адресуясь к тем, кто только что пришел и кому тяжело сразу вынести какую-то серьезную информацию): «Мы не можем болеть всеми болезнями сразу – мы всегда болеем чем-то конкретным. Когда мы приходим к врачу, то не говорим, что у нас болит всё. Мы говорим, что нас беспокоит какая-то часть нашего тела. И потом пытаемся выяснить в процессе анализов и диагностики – в чем, собственно, причина заболевания? Точно так же с нашей душой – мы не можем болеть всем, грешить всеми грехами – мы грешим чем-то конкретным. Когда мы заходим в дом, заходим в комнату и убираемся, мы же убираем то, что требует уборки, протираем пыль там, где это необходимо. Когда мы вспальваем грядку, мы смотрим, где нужно тяпкой пройтись. То есть мы обращаем внимание на конкретные места, которые требуют приложения нашего труда. А к себе, к своему собственному внутреннему миру, к своим состояниям мы невнимательны. Мы об этом просто не думаем,

живем как придется!»

Это то, о чем мы уже говорили: человек живет похотью. Поэтому важно приложить усилия для того, чтобы исцелить свою душу, избавиться от того груза, который есть, несомненно, в каждом человеке, в той или иной степени. И у каждого это что-то свое, конкретное. Понятно, что мы все люди, мы в чем-то все едины – и в грехах в каком-то смысле. У нас есть то, в чем мы все грешим. Но есть что-то индивидуальное, свои особенности. Вот это внимание к себе, к своей жизни, какое-то размышление – все это, конечно, дается с опытом. Но важно на это обратить внимание человека, желающего совершить покаяние. Но действительно, бывает и так, что человек в этом не видит смысла, обижается, протестует... Какие-то грехи настолько прочно вошли в жизнь людей, что для того, чтобы осознать, что это что-то несовместимое с жизнью христианина, должно произойти внутреннее перерождение...

В этот момент возникает такое ощущение, что кусок от себя отрываешь и всю свою жизнь зачеркиваешь.

Да, перечеркиваешь. А вот в каком-то смысле так и нужно сделать. В каком-то смысле человек для того, чтобы действительно стать христианином, должен от себя оторвать себя вчерашнего и стать другим совершенно. Это пугает, и поэтому здесь должен быть постепенный, поступательный подход. И поэтому в чисто педагогических целях, может быть, не надо так пугать неподготовленного человека.

Обычно и священники этим грешат, и православные миряне – запугивают: дескать, погубишь, не спасешься! И многие люди близко к сердцу это принимают, мнительные – обижаются. И это не дает плода, т. е. того, чего мы хотим – чтобы человек избавился от того груза, который его тяготит и не дает в полной мере жить. Человек от него не избавляется, грех с ним остается и еще больше давит вниз, ко дну. То есть мы, с одной стороны, что-то правильное сказали, а оно оказалось в корне неверно! Формально – правильно, а на самом деле – неверно.

Поэтому нужна чуткость наша, чуткость как христиан, как людей, чтобы чувствовать другого человека. Здесь невозможно выписать рецепт «как нужно поступать так, чтобы ты чувствовал». Смотри, понимай, кто перед тобой, что это за человек? Все же совершенно не похожи друг на друга, хотя есть между нами сходство, но очень много и различия! Вот это умение чувствовать другого человека, вмещать его в свое сердце – это тоже большое искусство, и это то, что дается с опытом, видимо, нашей жизни – когда мы не только о себе что-то начинаем понимать, но и о других. Потому что любимым нашим словом, даже правильным, можно одного вдохновить, а другого, наоборот, в уныние ввести. И это вопрос в каком-то смысле открытый.

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная

В перерыве между заседаниями. Священник Александр Гинкель и протоиерей Дмитрий Карпенко

Человек – это движение к тому, задумал Господь

Говорят участники конференции СФИ «Традиция святоотеческого»

Что на этой конференции было для Вас особенно интересным, важным и неожиданным?

Протоиерей Игорь Савва: Самым неожиданным и интересным для меня был сам факт участия в этой конференции. Я служу двадцать лет и всё это время совершал постепенные, робкие шаги в направлении подготовки к крещению. Всё, чего я достиг, – это одна огласительная беседа отдельно от крещения. Для нашей епархии и это достаточно необычно и не всегда встречает понимание. Если в начале служения у меня было достаточно много единомышленников среди священников, то постепенно идёт процесс охлаждения – каждый находит какую-то свою нишу в церковной жизни и уходит с этого пути. Честно говоря, в последнее время меня начало посещать даже некоторое уныние, что совершенно недопустимо, потому что если оно меня посещает, то что ж тогда говорить о приходах? И вот я приехал и увидел, что,

ценится формальное следование Уставу, независимо от понимания его логики молящимися. Люди часто не понимают, что происходит в церкви, и это приводит их в некоторое уныние. Но сокращение кафизм или перевод на русский или иной родной язык всё равно воспринимается в штыки, как нечто враждебное и сектантское.

Священник Дмитрий Третьяков:

На этой конференции для меня всё было неожиданно. Постоянно совершаешь какие-то открытия для себя вообще как для христианина. Поэтому трудно выделить какие-то отдельные моменты. С первого дня шло такое погружение и на такую глубину... А я пока еще только знакомлюсь с вашей традицией, с вашим опытом. Поэтому все очень интересно.

Многое начинаю к себе применять. Даже возникают такие мысли, что надо самому сначала огласиться всерьез, а потом уже можно о чем-то говорить.

Процесс катехизации, воцерковления, я думаю, поможет всем нам обратить людей и поставить их в ситуацию достойного присутствия в храме, понимания основ учения Христа, учения Церкви, и не только приблизить их к Церкви, но и сделать их последователями Христа. И каждый из нас должен в своей мере – не на 10 %, не на 20 %, а на 100 % – отдаваться Христу. Не в «рабовладельческом» понимании, не как раб господину, но в понимании ученичества: каждый из нас должен стать учеником Христа, Его последователем, апостолом, свидетелем православной веры. И мое участие в конференции позволило мне открыть новые горизонты, новый опыт, уже сложившийся и у Свято-Филаретовского института (или Преображенского братства), и у представителей других епархий, других приходов. Их живой опыт, общение с братьями и сестрами заряжает меня такой духовной силой, которая, я надеюсь, позволит мне реализовать много новых проектов на нашем приходе.

Священник Игорь Киреев: Последнее выступление отца Георгия меня очень вдохновило, потому что он рассказывал «кухню» процесса перевода оглашаемых со второго этапа на третий. Впервые я услышал рассказ о том, как он вникает в каждого человека. Он очень откровенно говорил, и прозвучали удивительные вещи. До сих пор все это мне напоминает какую-то институтскую систему, а тут был явно пастырский акцент. Конечно, запомнился момент, связанный с личностью катехизатора, которая проявляется на этом общем пути вместе с катехуменами к спасению. Вот это самое главное. Это я тоже сегодня особенно почувствовал – что идет не просто обучение, что есть внутренняя заинтересованность в каждом человеке и в его пути. Это было видно по многим докладам.

Священник Александр Лаврин: То, что неожиданно, то всегда и есть самое интересное. Я впервые услышал – и это меня приятно удивило – формулировку человека не «автономную», как некоего абстрактного феномена, а динамическую – в отношениях. Если кратко: человек – это движение. Он может быть движением к чему-то, например, к окружающей действительности. Но важно, чтобы это движение было, прежде всего, к Кому-то. И самое главное в этом определении то, что вчера сказал о. Георгий: человек – это всегда персонифицированное движение к тому, что о нём задумал Господь, как Бог его видит, и как все это видит человек. То есть в этом определении принципиально не может быть общей унификации, как обычно в любых определениях. Над этим хочется думать, и сразу напрашиваются выводы. Ведь движение к Богу – это движение ко всем и ко всему, к единству. А вне Бога это движение всегда к себе: «я бог, я царь для себя», следовательно, тогда и отношение ко всему у человека тоже принимает этот вектор – «движению к себе, в себя – для себя». И мне кажется, что эта формулировка наиболее точно являет реальность: либо человек в движении к Богу выходит за свои пределы и растёт в Человека, либо, наоборот, замыкается в себе, совершая движение в противоположную сторону, всё больше ниспадая к животному состоянию.

Пожалуй, это самое неожиданное и интересное для меня открытие из того, что я услышал на конференции (хотя, кажется, все темы, поднятые на ней, чрезвычайно важны и актуальны). Очень отраднo и то, что все участники встречи так включены и заинтересованы.

Игумен Дмитрий (Рябцев): Сразу по свежим следам оценивать что-либо обычно трудно... Интересным было обсуждение личных заповедей на основном этапе оглашения. Хорошо, что со всех сторон очень подробно рассмотрели этот вопрос: что предшествует их составлению, какие трудности бывают в процессе формулировки, о каких проблемах не столько индивидуального характера, сколько относящихся к центру духовной жизни, это может свидетельствовать.

Священник Георгий Лазарев: Мне очень трудно выделить что-то одно. Но гораздо труднее был бы вопрос, что для меня было маловажным или неинтересным... Сложно сказать, что было неожиданным, потому что с темой этой я знаком, и, кроме того, уже не один год читаю братскую литературу по катехизации, труды отца Георгия Кочеткова. И все-таки, пожалуй, неким особенно «ярким зернышком» на этой конференции для меня стали два доклада. Первый доклад – отца Георгия. А второй доклад – Владимира Ивановича Якунцева, прежде всего – то место, где он говорит, как можно понимать тот стыд наготы, который испытали Адам и Ева, и в чем заключается ощущение наготы и стыда для каждого человека: это понимание

оказывается, единомышленников у меня очень много, они сплочены, «вооружены» и занимаются делом, которое я считал своим, давно и успешно. В моей жизни исчез повод для уныния. Это и было самым большим потрясением для меня на конференции.

Священник Виталий Фонькин и профессор Давид Гэгзян

Все эти годы я знал о существовании о. Георгия и братства. Отзывы доходили чаще неодобрительные: исказили богослужение, собираются вместе, как сектанты, и т. п. И, хотя я уже имел опыт «перевода» на человеческий язык всяких обличительных материалов, все же доподлинно не знал, что тут происходит на самом деле, пока не приехал сам.

Все доклады были очень интересные. Очень понравились доклад о. Мариано (может быть, благодаря его экспрессии), рассказ о. Виктора из Хабаровска на круглом столе, доклад Владимира Ивановича Якунцева – он интересно подошёл к теме. Обрадовал непривычный режим работы – с утра до позднего вечера. Но самым главным было даже не содержание докладов – при всей их научной и научно-практической важности, а дух, царивший на конференции. Меня поразил и обрадовал дух богослужения, и даже сам вид часовни. Служба на понятном языке. Участие в богослужении всех присутствующих. Сознательное отношение к Уставу, когда можно несколько сократить богослужение ради выделения более значимых его частей. Это важный подход, его сейчас очень не хватает. Ведь в церковной среде часто больше

Одно дело теория, а другое – изнутри на все это посмотреть. Потому что я вижу, что священники и катехизаторы, читающие доклады, говорят с практической стороны, делятся своим опытом. А для меня многие вещи непонятны, потому что у меня такого опыта нет, и в какие-то моменты я даже не понимал, о чем идет речь. А они об этом рассуждают, и все для них ясно как день.

Мы обсуждали это с о. Петром Боевым, и я понял, что для него это проще, потому что он, как он сам говорит, ведет группу и как бы сам вместе с катехуменами оглашается. Поэтому он свободно «плавает» в теме.

Протоиерей Максим Мелинт:

Вопросы катехизации, оглашения, воцерковления для меня очень интересны, потому что сегодня остро ощущается необходимость просвещения. Недостаточно, и мы все это понимаем, просто крестить, просто предоставлять людям церковь как «институт ритуальных услуг». Церковь – это живой организм, живой динамичный институт, в котором все его члены должны жить. А как можно жить вместе, если нет полноценного понимания жизни в этой семье, отсутствует само понятие общины, то есть общения между собой, общения с Богом, живого общения, а не какого-то эпизодического раз в год посещения храма – в Великий пост, или накануне какого-то праздника, или по случаю трагических, не дай Бог, событий в личной жизни, в семье? И про-

Перерывы между заседаниями были самым горячим временем для журналистов. Сотрудник «Кифы» и сайта Преображенского братства Анастасия Наконечная беседует с катехизатором Екатериной Недзельской (Екатеринбург)

ЧТО О НЕМ

«Греческой катехизации: тема человека на основном этапе оглашения»

того, что в нашей жизни есть смерть, ад, бессмыслица и одиночество. Вот это для меня было откровением – насколько глубоко Священное Писание может открываться, приниматься и переживаться в опыте катехизатора и оглашаемого. Потому что вне опыта подлинной церковной катехизации, мне кажется, такое откровение Слова Божьего вообще вряд ли возможно. Катехизация позволяет оглашаемому войти в такую глубину личного переживания Слова Божьего, на которой Писание становится доступным не просто для интеллектуального, а для жизненного понимания. Меня задело эти вещи, потому что в них есть некое откровение и моего опыта оглашаемого. Я, может быть, не мог во время оглашения так четко сформулировать эти четыре составляющие, но именно то, что это откликнулось в моем глубинном опыте, меня задело.

Также очень интересным было выступление преподавателя семинарии «Мария – Царица апостолов» о. Мариано. Оно было очень живым, захватывающим, но что особенно радостно: некоторые очень серьезные вещи, о которых мы говорим в нашем братстве, звучали и в слове о. Мариано как выражение его опыта. А это говорит о том, что на глубине христианской жизни, в нашем служении, мы едины поверх всех конфессиональных перегородок. И это вдохновляет!

Священник Виктор Дунаев: Вообще, конечно, интересна и очень важна вся тема. На мой взгляд, это самое важное – говорить о человеке, узнавать его. Потому что человек уже давно не ставится на подобающее ему место. Уже давно второстепенные святые, какие-то второстепенные вещи стоят на первом

Священники Алексей Малов и Виктор Дунаев и протоиерей Димитрий Карпенко

Несмотря на очень напряженный график, аудитория во время докладов не засыпала, а слушала с большим интересом. Священники Димитрий Третьяков, Петр Боев и Георгий Кочетков

месте, и то, что здесь идет разговор о человеке, что он ставится на своё достойное место, – это самое главное и радостное.

Поражает во всех этих дискуссиях, что даже самые опытные катехизаторы оставляют вопросы открытыми, то есть и себя тоже спрашивают: «А как же тут быть? А как здесь поступить лучше?» Ведь приезжаешь со своим малым опытом, и кажется, что тут все «гуру», все всё знают... Также меня радостно удивляет разница мнений, опыта и то, что при этом создается удивительно открытая дискуссия. Хочется, конечно, научиться такой открытости, такому диалогу.

Екатерина Недзельская: Для меня таким был вопрос о грехопадении, потому что на опыте приходилось сталкиваться с преткновением оглашаемых именно на этой теме. Очень важен был разговор о том, что последует за восприятием грехопадения как чего-то, за что человек не отвечает, и о том, как человек может уходить от осознания этих вещей. Он ведь может не говорить о том, что не берет на себя ответственность. Несмотря на то, что ко второму этапу оглашаемый проходит опыт Закона и в каком-то смысле понимает, что есть заповеди и их нужно исполнять, тем не менее когда он сталкивается с ответственностью за грех, и не только за свой... Свой-то грех даже увидеть трудно, потому что люди не считают идолами то, чему они служат и поклоняются в своей жизни. А взяв

ответственность за первородный грех – это слишком сложно для современного человека. Я сейчас ишу внутренние ответы на то, как раскрыть эту тему. Как ответить оглашаемому, когда он говорит, что Бог Сам ответственен за то, что случилось, что Он всё заранее знал? Или когда он кожаные ризы воспринимает по-ветхозаветному как некое ожидание возвращения назад, в рай, фактически отказываясь от пути вперед, к Царству Небесному? И для меня сейчас рецепт «всё нужно строить на доверии катехизатору» – не ответ.

Галина Муравник: Мне был интересен анализ проблем катехизации, обсуждение различных подходов к их решению. Особенно могу отметить доклад о. Мариано о блаженном Августине. Это было замечательно – и по форме, и по сути, по глубине материала, представленного докладчиком. А вот круглый стол по проблемам эволюции, в котором я участвовала, был, на мой взгляд, несколько неудачно спланирован. Мы «замахнулись» на слишком глобальные проблемы современной эволюционной биологии. Глядя на программу, я понимала, что за отведенные полчаса мы не сможем продуктивно обсудить все эти вопросы. Получится или «галопом по Европам», т. е. ничего обо всем, или мы вообще не охватим и двух пунктов из намеченных трех.

Окончание на с. 8

Отец Мариано, мы слышали, что Вы читаете таинствоводственные беседы в одном из православных храмов Петербурга?

Священник Мариано Хосе Седано Сиерра:

Да, я рассказываю о богослужении, истории, богословии. О церковном искусстве. Я называю его vox ecclesiae discentis – голос церкви, которая учится. Есть голос церкви, которая преподаёт, это голос пастырей. А то, что поняла паства, она выражает по-своему, в том числе иконами. И поэтому через особенности христианской символики и богослужения мы слышим их голос. Кто написал фрески в катакомбах? Это простые люди. Они знали очень много, это видно. Те символы, о которых говорят Тертуллиан, Августин, Григорий Великий, мы найдем в катакомбах. Люди поняли эти символы и изобразили их на стенах...

Так многое говорят нам и древнерусские храмы...

Когда люди принимают Евангелие как свое, начинается инкультурация. Евангелие – как семя, которое в каждой земле даёт похожий, но своеобразный плод. Поэтому в России одни плоды, в другом месте – другие. Это очень красиво, на мой взгляд.

Мы хотели бы спросить Вас как практикующего катехизатора, который уже не первый год читает такие таинствоводственные беседы. Что Вам показалось наиболее интересным на том заседании, где Вы сейчас читали доклад?

К сожалению, я не могу быть на конференции все три дня. Но уже сегодня прозвучали очень важные слова, на которые нужно обратить внимание. Понятно, что самое важное в христианском учении о человеке – это то, что человек – центр сотворенного мира. Что Бог стал человеком не случайно. Это не только один из догматов нашей веры. Это самая наша вера: Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом. И я думаю, что это надо помнить, когда мы говорим о другом человеке или когда он стоит перед нами. Да, это не идеальный человек, не ангел; иногда он больше похож на свинью, чем на ангела. И все равно нужно думать, вопреки всему, что этот наркоман, алкоголик – это всё равно самый красивый образ, который Бог сделал. И Бог стал человеком и ради этого конкретного человека, который стоит передо мною. Если мы не поставим это в центре нашего внимания, этот человек никогда не будет человеком.

Ваше братство названо в честь Преображения. Преображение – это момент, когда мы видим в Иисусе Христе, кем мы будем. И поэтому, мне кажется, нужно говорить о том, что греки называют prolepsis. Нужно предчувствовать сегодня то, что будет потом. Если мы не поступаем

так, эти люди никогда не будут другими. Я думаю, в то, во что мы веруем, нужно верить до конца. И нужно дать понять людям, что мы верим в это, для того чтобы они тоже веровали.

Я очень часто встречался в Петербурге с сестрами матери Терезы. К ним приходят за помощью алкоголики и бомжи. Это просто катастрофа. И сестры верят в этих людей, в которых никто больше не верит. У этих людей нет выхода, нет надежды, нет любви. А сестры верят в них, потому что верят в Иисуса Христа воскресшего и восшедшего на Небеса во славу. И эти люди становятся способными увидеть Его, потому что сестры делятся с ними своей верой. Мы, катехизаторы, должны передать людям именно это – то, что называется энтузиазмом. Вот слово, которое мне кажется очень важным для катехизаторов.

Энтузиазм – это очень красивое слово. Повсюду в России есть проспект Энтузиастов. Но я не видел народ, где было бы так мало энтузиастов, как у вас. Наверное, потому что для вас энтузиазм до сих пор связывается с коммунистической основой, с волюнтаризмом. А ведь это очень богословское слово. Это греческое слово, происходящее от «en Theos», то есть «в Боге». Когда человек знает, что мы живем в Боге, для него не существует трудностей, все возможно. Это энтузиазм, который мы должны иметь. Этот энтузиазм, конечно, можно передать. Этим можно заразиться. И это делает человека катехизатором.

Вы в своем выступлении обратились к наследию блаженного

Августина. Скажите, если сравнивать те обстоятельства, которые существовали тогда, и те, которые существуют сейчас, что типологически остается одним и тем же, а в чем, может быть, есть разница?

Обстоятельства очень разные, конечно, но все равно, мне кажется, одновременно и очень похожие. Сегодня к нам приходят люди очень высокой культуры, которые очень многое знают. Или люди, которые умеют зарабатывать деньги, и у них есть богатство. Но на самом деле они одновременно очень бедные, потому что сами себя не понимают, не знают, почему у них такие реакции, почему что-то происходит в их жизни. Они ищут помощи. И мне кажется, что в этом смысле блаженный Августин помогает нам быть готовыми к встрече с такими людьми. Он говорит нам: обрати внимание, с кем говоришь, кто перед тобой. И смотри, какие у него есть интересы, какие у него есть мотивации, почему он хочет стать христианином. Сегодня мы назвали бы это словом «эмпатия». Он не использует, конечно, это слово, но говорит, как мне кажется, именно о ней. Эмпатия – это способность войти в положение другого человека, стараться пережить с ним то, что он переживает. И изнутри так понять его, чтобы почувствовать: даже в той ситуации, в которой он живет, в нём самом уже есть семя христианства, уже есть очень многое от Господа. Даже не мечтая о другом человеке, не мечтая о других обстоятельствах, он опирается именно на это. А значит, он может стать другим.

Человек – это движение к тому, что о нем задумал Господь

Начало на С. 6-7

Говорят участники конференции СФИ «Традиция святоотеческой катехизации: тема человека на основном этапе оглашения»

К сожалению, во многом так и получилось. И поэтому участники стола смогли высказаться по каждому из вопросов не так полно, как нужно было бы, как того требуют обозначенные проблемы. В итоге на самое интересное, ради чего и проводятся круглые столы, то есть на дискуссию, практически не осталось времени. Хотя обсуждение продолжилось потом в личном общении. И это свидетельствует о живом интересе, который проявляют участники конференции к проблемам эволюции и богословской интерпретации, в контексте учения о творении.

Екатерина Измайлова: Трудно выделить какой-то один момент, потому что в целом все эти три дня яркого погружения в тематику, обсуждений складываются в общую картину и в голове, и в сердце. Мне кажется, именно это я могу выделить как самое главное. Плюс живое церковное общение, которое происходит и в перерывах, и за обедом, и вечером. Это и обмен опытом, и личное общение с братьями и сестрами, очень ценное и значимое. Здесь стираются все границы – пространственные и временные. Не важно, кто ты, откуда – из Москвы, Красноярска, Твери, Екатеринбурга или другого города. Это не имеет никакого значения, чувствуется, что общение в Господе Христе – надо всем.

Что из того, что прозвучало, Вы хотели бы использовать в своей практике?

Игумен Димитрий (Рябцев): На последнем семинаре, посвященном исповеди за всю жизнь, говорилось о многих важных вещах, которые священнику нужно учитывать в своей пастырской деятельности. Не так часто получается общаться на эти темы, а здесь получился серьезный и подробный разговор. Ещё раз убедился в том, что для исповеди за всю жизнь вовсе не требуется отводить по несколько часов для каждого исповедующегося, как это иногда практикуют. А лучший способ подготовки к ней это не столько 10 заповедей и блаженства, сколько просмотр жизни по возрастным этапам и выделение самого главного на каждом из них.

Протоиерей Максим Мелити: Говорить о чем-то конкретном я не буду, потому что всё, что я слышал, для меня важно. И самое главное – это научение вере и созидание самого понятия общинной жизни. Для меня это очень важно – понимание церковной жизни не просто как участия в молитве, а как постоянного пребывания в христианской семье, в церковной общине. Я стараюсь на опыте других братств, других приходов, даже епархий перенимать, чтобы воплощать на приходе довольно правильную и христианскую мысль – «как хорошо и приятно жить братьям вместе» (Пс 132:1). Нужно, чтобы общение братьев и сестер на приходах в общине не завершалось отпуском литургии, чтобы не получалось, что после него все разбегаются восвояси: быстрее домой, быстрее к своим заботам и нуждам. И самое главное, что я для себя принял, – это живое общение и стремление жить и молиться вместе, в общине, непрерывное общение изо дня в день, так называемая «литургия после литургии».

Еще один немаловажный момент, который меня интересует, – это служение мирян. К сожалению, ни мы, клирики, а уж тем более миряне толком не знают своих «прав и обязанностей» в общине. В основном все строится по шаблону: если это мужчина – то он алтарник, звонарь или певчий в хоре. Если женщина – у свечного стола, убирается в храме или поет на клиросе. Но это лишь малая часть общины! А остальные ведут себя пассивно, подобно зрителям на спектакле, вклю-

Кроме отцов и братьев в конференции участвовало немало сестер-катехизаторов

чаются в богослужение, как правило, 2 раза – за пением Символа Веры и «Отче наш». Ну, а полноценное участие в богослужении или участие в социальном служении, катехизации, миссионерстве вне прихода – это немыслимо. По причине этого разделения клира и мирян Таинства Церкви во многом стали «заслужой избранных», т. е. рукоположенного клира. А ведь это уже не община и не семья; ограничение и разделение по достоинству неприемлемо по христианскому учению. Продолжается, по словам отца Александра Шмемана, явное отделение «мирян» от «духовенства», «молящихся» от «служащих». Необходимо показать нашим верующим их место и значение в общине, помочь им осознать их участие в жизни общины, в Евхаристии, т. к. миряне представляют живой дух в Церкви Христовой, «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвестить совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет 2:9).

Другой важный момент, который я осознал для себя, – это необходимость особого подхода к изучению Писания. На нашем приходе мы с Божией помощью начали изучать Писание. И теперь я яснее понимаю, как готовиться к этому и молитвенно, и информационно. К каждой главе и к каждой книге мы будем подходить особенно, индивидуально. Слава Богу, есть опыт других церквей, других приходов, других общин и я думаю, что есть у кого учиться, было бы только желание.

Священник Димитрий Третьяков: Много. Иногда меня даже посещали мысли, что я вообще все не так делаю и нужно переделывать. И какие-то ошибки увидел. Это было очень полезно. Ну и, конечно, есть мечта перенять этот опыт в полной мере. Пока нет такой возможности – скорее всего, отчасти потому, что нет знаний, которые я надеюсь с помощью этой конференции и литературы приобрести и тогда уже начать действовать.

В один из вечеров уже традиционно состоялся импровизированный концерт. Перед собравшимися выступили члены Преображенского братства – выпускники и студенты консерватории, а потом в исполнении участников конференции прозвучали арии из опер и народные песни

Священник Игорь Киреев: Есть одна вещь, о которой рассказывали на конференции и которая у нас, на Катехизаторских курсах во имя сщмч. Фаддея Тверского, уже лет шесть как тоже практикуется. Это письменная работа о пути к Богу и в Церковь. У нас есть цикл лекций по истории катехизации, есть курс по методикам катехизации и есть катехизический практикум. Он проводится в основном в форме диалогов и моделирования ситуаций, но даются и задания, в том числе задание написать такую работу. Причем студенты иногда даже не подписываются, работы анонимны. И, действительно, как хорошо сказал сегодня Александр Михайлович Копировский, это лучше, чем литература. Потому что читаешь такие удивительные, такие искренние открытия! И это дорогого стоит.

Протоиерей Игорь Савва: До сих пор моя цель при подготовке к крещению состояла в том, чтобы заставить человека, желающего креститься, прийти хотя бы на одну беседу отдельно от крещения. Если он приходит, а его не крестят сразу, а начинают что-то рассказывать, он просто разворачивается и уходит. Но даже если он покрестится в другом храме, главное что он услышал, что нужно оглашение.

Я провожу только одну огласительную беседу, но постарался вложить в неё всю систему оглашения, как я её понимаю. Эта система основывается на словах Господа: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28:19,20). Я увидел в этих словах три элемента: сначала научение вере – краткий комментарий к Символу веры, потом рассказ о таинстве крещения, смысл молитв, символическое значение обрядов, и третье – собственно христианская жизнь на примере

Важной частью конференции была дискуссия. Вопрос задает дьякон Иоанн Логинов (Красноярск)

молитвы «Отче наш» (это ответ Господа на вопрос «как нам молиться?»), и его можно вполне считать «инструкцией» к духовной жизни). Стараюсь, придерживаясь этой схемы, рассказать всё за час.

Конечно, этого слишком мало. Это не оглашение, а только первый шаг к нему. Существенный недостаток такого подхода в том, что даже если высказать человеку всё, что нужно знать, за час или два, – это будет всего лишь информация о церковной жизни. А оглашение – это вживание в приходскую жизнь. Поэтому, я думаю, даже в такой краткий чин обязательно нужно ввести ещё что-то: чтобы человек познакомился с церковной общиной, побывал на Литургии оглашаемых, поучаствовал в приходской жизни.

На конференции, всего за три дня, я увидел, что всё, что я искал, уже создано, причем проработано глубоко, тщательно, бережно и любовно. Конечно, я воспользуюсь тем опытом, который предлагают о. Георгий и братство. Буду рад сам стать частью этого опыта, пройдя соответствующее научение. А дальше буду действовать по двум направлениям: во-первых, совершенствовать скромные начинания, которые уже были, а во-вторых, собирать группу для полноценного оглашения.

Священник Георгий Лазарев: Да все доклады членов Преображенского братства ценны для практического применения! В первую очередь, доклад отца Георгия, потому что по сути это был не столько доклад, сколько передача живого опыта катехизации. Чем для меня ценны все статьи, все труды о. Георгия, так это тем, что каждое их слово создается не в кабинетных поисках, а рождено самой жизнью; за это кровью заплачено. И поэтому все это имеет грандиозную ценность. Этому, каждый в свою меру, следуют и другие катехизаторы. И я понимаю, что все или почти все докладчики братства говорили то, что родилось из живого опыта и что может быть дальше применено в живом опыте.

Конференция, конечно, у нас всегда праздник, настоящая Пасха. Но я человек, склонный к пессимизму (или к реализму?), и поэтому вижу и печальную сторону. Она в том, что такое богатство живого, самого глубокого церковного опыта остается во многом неизвестным в нашей церкви. Конечно, есть на конференции те, кто приехал впервые, они могут воспринять этот опыт. Но насколько их мало! И от подавляющего большинства членов нашей церкви сокрыты такие сокровища! Это печально. Потому что этот опыт нельзя просто послушать. Хочется, чтобы это было воспринято, чтобы это реально заработало. Конечно, все это и так работает в жизни Преображенского братства как части церкви, но хотелось бы, чтобы этот опыт распространился как можно дальше и глубже.

Священник Виктор Дунаев: Наверное, основное, что я смог воспринять, – это некое целостное видение основного этапа катехизации. Происходит некое удивительное осмысление: зачем? для чего? Но также важна стала и детализация этого этапа. Особенно стали интересны для практического применения тема заповедей и тема грехопадения.

Екатерина Измайлова: Мне сложно говорить, потому что я только помощник катехизатора. Для меня, конечно, были очень интересны доклады, которые отражали практическую сторону дела. Например, доклад Анны Борисовны Алиевой или круглый стол по личным заповедям. И еще для меня очень ценны были те моменты, когда говорили о роли помощника катехизатора и о роли поручителя.

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная

О встрече со словом владыки Антония

Из воспоминаний белорусского поэта Дмитрия Строчева

1. О победе

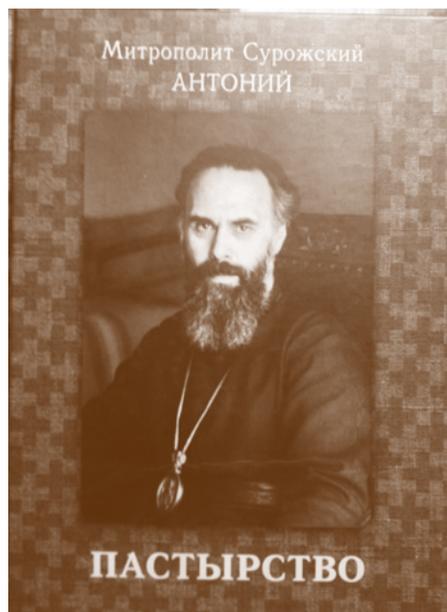
У меня история такая. Крестившись в 1988 году, я года через два, может быть, через три, почувствовал, что хочу что-то делать для Церкви. Тем более что тогда, конечно, Церковь была совершенно в другом состоянии. Когда в Минск в первый раз приехал с официальным визитом патриарх Алексий II, его встречала группа верующих. Это было всего два-три десятка человек. И самым выразительным элементом этой встречи были две маленькие девочки, одетые в одинаковые платяца, маленькие школьницы с двумя букетами цветов. Это была моя дочь Саша и ее школьная подруга. Вот, собственно, масштаб Церкви того времени. И вдруг происходит такой церковный взрыв, т. е. массовое обращение. Храмов еще

нибудь священника, который бы мне помогал, направлял. Владыка минут на пять задумался и сказал: «Я буду».

Естественно, я начал издательскую деятельность с каких-то общепотребительных изданий. Маленькие молитвословчики. Книжка «В помощь кающимся». Но в какой-то момент стало понятно, что эту литературу издают все. И даже владыка Филарет, когда мы с товарищем пришли к нему с идеей издания очередного молитвослова, посмотрел на нас иронически и сказал: «Ну, хватит, есть кому издавать молитвословы». И предложил подумать над издательским планом.

Надо сказать, что какие бы то ни было духовные категории я для себя начал открывать после школы, в первой половине 1980-х. И это совпало с моим попаданием в круг минских нонконформистов, где я одновременно узнал много ошеломляющих фактов о стране, в которой живу. Мне было восемнадцать-девятнадцать лет. И тут я, во-первых, встретился с самиздатом и, во-вторых, встретился с тем обстоятельством, что современные люди могут серьезно относиться к вопросам веры. Я рос в обыкновенной советской семье, где отношение к каким-либо религиозным категориям было таким, какое у современного человека может быть к архаическим, первобытным культам с человеческими жертвоприношениями. И переступить порог храма для меня было всё равно что войти в людоедское капище. То есть порог был воспитан очень серьезный. Была заведомая неприязнь, неприятие всего, что связано с религией. И тут я попадаю в круг людей, которые пишут стихи на религиозную тему, читают Бердяева, Шестова и говорят об этом серьезно. Произошел переворот. И первая моя встреча была не с евангельским словом, а с ветхозаветным. Потому что круг этих моих новых знакомых составляли белорусские русскоговорящие евреи. И для меня сразу попали в связку мысль религиозная и мысль нонконформистская, свободная. Вот почему одним из первых имен, которые были «на слуху», стало для меня имя о. Александра Меня. Для меня это было важно. И когда в начале 1990-х я стал воцерковляться, я

вдруг понял, что Церковь, в которую я вступаю, не вся такая. Там есть разные течения, есть явления очень консервативные, которые для меня тогдашнего сближались с какими-то архаическими формами религиозности. И мне было очень важно понять, насколько это тотально. Когда я встречал такие свидетельства, как свидетельства о. Александра Меня или митрополита Антония Сурожского, я понимал, что

Пастырство - Минск. Изд-во Белорусского экзархата. 2005

Церковь неоднородна, есть удивительные живые обращения, захватывающие меня. Но я не мог эти ощущения оформить, у меня не было достаточной информации – одни интуиции.

И вот в то время я познакомился с Ольгой Александровной Седаковой и пригласил ее на выступление в Минск. Я уже знал, что она христианка, что она человек верующий. И я спрашивал у нее совета, к каким авторам можно обратиться, т. е. кого издавать. Во-первых, она назвала имя митрополита Антония, а во-вторых, сказала, что знакома с человеком, который работает с материалами Владыки, и может меня ему порекомендовать – и дала мне координаты Елены Львовны

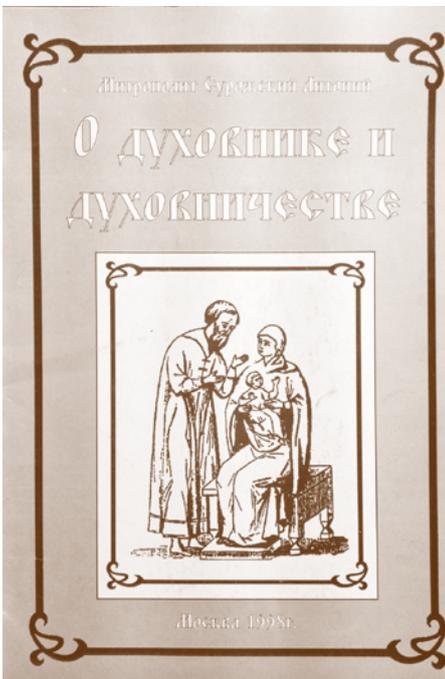
нет. В Беларуси всего одна епархия (сегодня в Белорусском экзархате 11 епархий – ред.). И нет никакой литературы. А я немножко приобщился к издательской деятельности. И тогда я пришел к владыке Филарету. Это было начало 1990-х. Рассказал о себе. Сообщил, что хочу заниматься православным издательством, но я человек совершенно невежественный и могу наломать дров. И попросил владыку, чтобы он дал мне цензора. Какого-

О встрече со словом владыки Антония

Начало на с. 1

Майданович, которая в то время жила еще в Сергиевом Посаде. Я поехал в Сергиев Посад и встретился с Еленой Львовной. Мы поговорили, и она мне сразу дала рукопись книги «Воскресные проповеди». И в 1995 году мы ее издали в Минске. Причем издали довольно большим тиражом. Это одна из первых книг владыки Антония в твердом переплете, вообще одна из первых книг, вышедших здесь.

Нужно сказать, что когда я получил от Ольги Александровны эту информацию, я, естественно, пошел к владыке Филарету и сказал, что хочу издавать труды митрополита Антония. И, к своей радости, услышал удивительный ответ. Я услышал от минского Владыки, что это замечательно, что владыка Антоний и владыка Филарет многократно встречались. Владыка Филарет принимал лондонского Владыку в Минске. И я получил благословение от правящего архиерея на эту деятельность. Нужно сказать, что практически на всех изданиях, которые мы готовили, стоит личное благословение митрополита Филаре-

О духовнике и духовничестве. - М.: 1998.

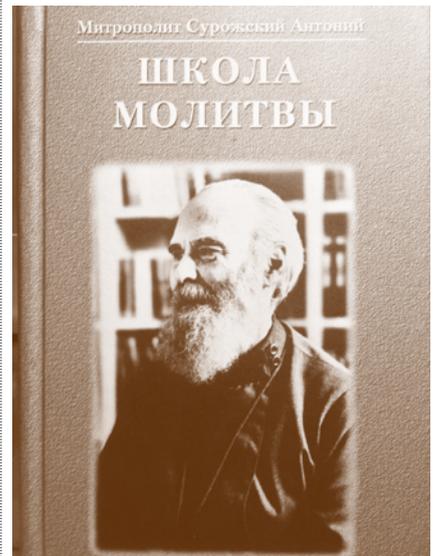
та. Оно иногда помещалось в кратком виде, а иногда это были развернутые предисловия, приуроченные к конкретному изданию.

Потом была удивительная ситуация. Дело в том, что для того, чтобы издать книгу, нужны были деньги, которых у нас не было. Страна была в

очень тяжелом положении. В Беларуси был кризис, была невероятная инфляция. И денег никаких не было. И с этой идеей я почему-то пошел в Кафедральный Свято-Духов собор. Дело было вечером, была зима или поздняя осень. Рядом с собором стоял маленький фанерный киоск, где продавались свечки и иконки. Я просто постучался в служебную дверь. Дверь приоткрылась, оттуда выглянула пожилая женщина, посмотрела на меня строго. Спросила: «Что хочешь?» И ей буквально ответил, что хочу издать книгу митрополита Антония. Она вдруг сфокусировалась, позвала меня внутрь, в киоск, попросила рассказать подробнее. И я сказал, что для этого издания мне нужны деньги. Она ответила – без колебания! – «Я тебе дам». Тогда я как раз и узнал, что владыка Антоний служил, и не один раз, в Минском Кафедральном соборе и что белорусские православные бабушки были под сильнейшим впечатлением от его проповедей. И оказалось, что эта самая Александра Никитична, бесценный завхоз Кафедрального собора, хранила эту память, это почитание. И она мое появление восприняла как некий знак...

А деньги она взяла вот где. Дело в том, что тогда в Минске было всего два-три действующих православных храма. Но тогда уже людям не препятствовали приходиться в церковь. Поэтому паства стремительно росла. И, естественно, люди приносили в храм пожертвования. Эти пожертвования мгновенно «сгорали», потому что деньги обесценивались, инфляция была колоссальная. И, как потом оказалось, настоятель собора благословил Александру Никитичну вкладывать деньги в какие-то вещи, просто превращать хоть во что-то, в том числе закупать утварь, свечи, иконы. Так мы и получили финансирование. Как это выглядело? Я приезжал в собор, мне выдавали шесть-восемь ящиков из-под бананов, полных «зайчиков» и «белочек». И мы это грузили в автомобиль и ехали через дорогу к менялам, которые стояли на улице. И они почему-то весь этот бумажный мусор меняли нам на твердую валюту. И в результате, ни много ни мало, на это издание мы получили баснословную по тем временам сумму – порядка девяти тысяч долларов. И смогли издать книгу, по-моему, десятитысячным тиражом, с иллюстрациями московской художницы Марины Белькевич, которую нам тогда порекомендовала Ольга Александровна Седакова.

Я уже говорил, что действительно воспринял христианство как весть свободы – духовной свободы. Но, придя в Церковь, я встретил очень разных ее представителей. Вот один

из примеров. Молодой священник, недавно рукоположенный, из интеллигентов (окончил Минский иняз) собрал вокруг себя таких же неопитов-интеллигентов, людей с высшим образованием, архитекторов, актеров, выпускников филфака. И сложилась община. Нам казалось, что мы люди, говорящие на одном языке. В какой-то момент он получил приход под Минском, и мы каждое воскресенье с достаточно большими трудами добирались туда, в деревню, чтобы попасть на литургию и вместе послужить. Так вот, когда я начал готовить книгу митрополита Антония, мне не было прямо в лицо выражено какое-то неприятие, потому что меня благословил правящий архиерей, но вдруг оказалось, что батюшка разговаривает с моей женой и внушает буквально следующее: «Анна, готовься к разводу, твой муж издает еретика»... Это грустно и удивительно, ведь владыку Антония признавали и с ним общались представители очень разных церковных течений. Он умел расположить к себе самых разных людей. Есть свидетельства о том, что он умел общаться даже с таким сложным человеком, как митрополит Иоанн (Снычѳ).

Но как бы то ни было, мы издали «Воскресные проповеди», привезли книгу в Москву, у знакомого предпринимателя на каком-то временном складе разгрузили тираж и ходили, договаривались о распространении. Потом брали такси, и на такси книги

разбрасывали по заказчикам. Реакция была очень разная. Кто-то очень радовался, что вот издали владыку Антония, что такая хорошая книга, с такими неожиданными, живыми иллюстрациями. А были места, где нас прямо на пороге разворачивали и говорили: «Больше здесь не появляйтесь. Вы принесли еретика, вы принесли протестанта, это все неправославно».

Ощущение было такое, что всё на грани, что вот сейчас прозвучит команда или пойдет какая-то волна, и имя митрополита Антония станет в один ряд с именем отца Александра Меня. И его книги уже не будут принимать в храмах к распространению. Невзирая на то, что у нас на книжке

Жизнь. Болезнь. Смерть. - Минск. Виноград. 1998

стоит благословение митрополита Филарета, и мы действительно имеем его поддержку... Несколько лет, до конца тысячелетия, сохранялось такое шаткое двойственное положение. Книги его издавались и распространялись.

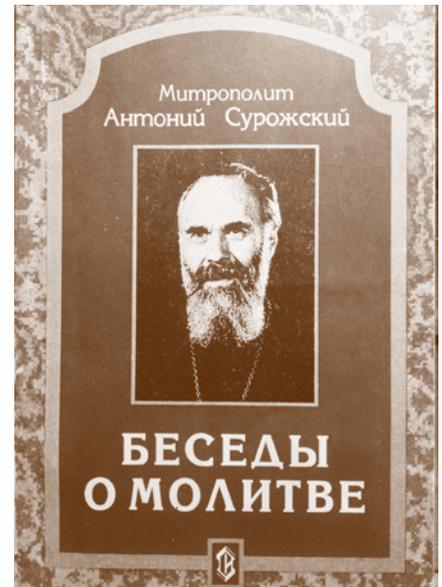
Издавали Владыку, конечно, не только в Минске. Одной из первых была книга «Беседы о вере и Церкви», выпущенная в России чуть ли не в 1991 году двадцатитысячным тиражом. Маленькая, синенькая. Потом были малотиражные разрозненные издания: сборник проповедей «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», сборник бесед «О встрече»... Было, скажем, такое издательство «Паломник». Они у Елены Львовны получили право на издание книги «Человек перед Богом». Издавали ее на газетной бумаге, под

какой-то черной обложкой... Но при этом книга многократно переиздавалась внушительными тиражами и разлеталась по всей эйкумене. Клинское издательство «Христианская жизнь» взялось издавать небольшие брошюры, тоже на газетной бумаге, с неприятными обложками. Но и здесь были большие тиражи – «Молитва и жизнь», «Таинство любви», «Жизнь. Болезнь. Смерть». И люди, встречая слово митрополита Антония – новое слово, необычное слово, очень живое, открытое, горячее – конечно, отзывались на него. И само это желание людей читать Владыку, тут же делиться друг с другом прочитанным по-своему убеждало консерваторов, стоящих за свечным ящиком, что эти книги надо принимать к распространению, что с ними не прогадаешь – они всегда продадутся, да еще и сколько благодарных слов услышишь от счастливых покупателей. И я думаю, что, в конце концов, сработало не какое-то коллективное издательское усердие, а победило само слово владыки Антония, открывающее Христа.

2. Об оружии

Нужно сказать, что для многих встреча с владыкой Антонием началась не с литературы, которую стали издавать в 1990-х годах, а гораздо раньше. Недавно в Доме Русского зарубежья состоялся круглый стол, посвященный столетию Владыки, и он начался с просмотра фрагмента беседы, записанной в лондонском Успенском соборе для Российского телевидения в 1995 году. Этот фрагмент начинался с рассказа Владыки о том, что подростком он состоял в русской военизированной молодежной организации, где мальчиков готовили для борьбы с большевизмом. И вот в эту организацию пришел священник. Это был отец Сергей Булгаков, который рассказывал о Христе. Владыка вспоминал о своем ощущении от проповеди, как она его раздражала и возмущала, потому что в организации их учили ненавидеть врага и быть готовыми с оружием в руках бороться и убивать. А тут говорилось о любви, о смирении. Позже, дома, решив навсегда разобраться и покончить со Христом, мальчик взялся впервые прочитать Евангелие от Марка и за чтением Евангелия пережил чудо встречи с Живым Богом. Происходит духовное преобразование; жизнь его меняется. Он принимает для себя, что если Господь любит правых и неправых, добрых и злых, то и он теперь тоже вместе с Ним

будет любить правых и неправых. Он всю свою жизнь оставался эмигрантом, служил в Париже, потом в Лондо-

не. И может сложиться впечатление, что этот юношеский импульс, вызванный любовью к покинутой Родине – идти и бороться с большевизмом, и, в общем-то, с духовным врагом – как бы сошел на нет. И тут мы сталкиваемся с другим обстоятельством: оказывается, именно это духовное преобразование, духовный выбор будущего Владыки дает ему возможность в какой-то момент действительно прийти в Россию. Сначала это радиопередачи на русской службе Би-би-си, где он вел религиозную страничку. Таким образом, он приходит в это желанное пространство не с оружием в руках – вернее, с другим оружием. Это очень важно, что его максималистская юношеская задача не отменяется. Он приходит, но приходит в другом качестве. А затем, поскольку он остается верен Русской православной церкви Московского Патриархата и становится иерархом этой церкви, он уже с начала 1960-х получает возможность приезжать в Советский Союз. Надо понимать, что, во-первых, западные люди были очень ограничены в этой возможности. Приезжать в Советский Союз было очень сложно, страна была закрытая. Была холодная война, был железный занавес. Еще большей проблемой было приехать в Советский Союз человеку из эмигрантской среды. И третья удивительная вещь: даже если эти западные люди, эмигранты попадали на территорию Советского Союза, они были лишены возможности прямого общения с советскими людьми.

А Владыка получал возможность прямого обращения к десяткам и сотням людей. За одну поездку, когда он приезжал сюда, он мог проповедовать в нескольких храмах, он мог встретиться с людьми в домашней обстановке. Конечно, эти домашние встречи получались какими-то ухищрениями, каким-то чудом. Владыка убежал от своих соглядатаев, его увозили. С другой стороны, у него был очень большой авторитет, и совсем его ограничивать и препятствовать ему не решались... Так церковные люди – а круг этих людей был не такой уж узкий – на протяжении трех десятков лет успели узнать имя Владыки. Многие стали действительно большими поклонниками слова митрополита Антония и с большой радостью участвовали в организации встреч с ним. Владыка выступал перед студентами Московской духовной академии в Загорске. Таким образом, церковная аудитория была готова к тому, что слово Владыки начнет появляться в печатном виде. И, конечно, первые издания появились в самиздате еще в те же застойные годы. Этим занимались сестры Татьяна и Елена Майданович.

Надо сказать, что сама история семьи Майданович особенная. Дело в том, что отец Елены и Татьяны был эмигрантом. А после Второй мировой войны на патриотическом подъеме в числе многих других эмигрантов семья приняла решение вернуться из Франции в Советский Союз. Через какое-то время они оказались в Казахстане: всех возвращенцев сначала сылали. Потом получили разрешение жить поближе к столице. И они поселились в Загорске. Татьяна нашла работу в ОБЦС. И когда Владыка стал приезжать в Советский Союз, Татьяна и Елена оказались среди первых, кто встречал Владыку здесь.

Уже тогда они начали записывать выступления Владыки, расшифровывать и издавать. У митрополита Филарета дома я видел на книжной полке самиздатскую книжку митрополита Антония, огромный фолиант, размером с том Большой Советской Энциклопедии, который в свое время собрали, приготовили, распечатали, сброшюровали и преподнесли Владыке Филарету сестры Майданович, тогда еще, в советское время. Это была очень серьезная, прикровенная деятельность, в общем-то, опасная.

А в конце 1980-х – в начале 1990-х стали появляться публикации Владыки Антония в толстых литературных журналах, таких, как «Новый мир». И это, в общем-то, только добавляло его аудитории.

А сегодня в России существует независимая организация – Фонд «Духовное наследие митрополита

Антония Сурожского». Сотрудники Фонда проводят конференции, семинары, посвященные Владыке Антонию, собирают и обрабатывают архивные материалы, издают труды Владыки в разных форматах – и в печатном виде, и в виде аудио- и видеозаписей. Это достаточно узкий круг людей, возможности наши ограничены. Но, по мере сил, трудимся.

3. О неизвестном

Когда будущий митрополит Антоний был направлен на лондонский приход священником, он, как сам говорил позже, понял для себя, что ближайшие пару десятилетий будет заниматься тем, что постепенно будет хоронить свой приход. Его прихожане были представителями первой волны русской эмиграции, молодежь же ассимилировалась и в значительной части ушла из Церкви. В то же время отец Антоний обратил внимание, что коренных англичан в какой-то степени привлекало, интриговало то, что происходит за православным богослужением. И будущий Владыка сделал движение, которое во многих других приходах многие священники, которые находились в таком же положении, как он, почему-то не делали. Он повернулся к аборигенам, к англичанам, и стал с этими людьми общаться...

И постепенно из Церкви, как бы служащей для диаспоры, русская Церковь в Англии стала постепенно превращаться в английскую православную Церковь. И затем те англичане, которые приходили, вместе с Владыкой вспомнили, что в Англии когда-то была православная Церковь, Англия когда-то была православной страной. И для многих англичан, которые при-

ходили к Владыке, это обращение к православию стало символизировать возвращение к своим английским национальным корням. Произошло собирание многих смыслов. Это первое. Второе – это то, что Владыка был человеком публичным, очень открытым миру и человеку. Он всегда с большой готовностью откликался на предложения выступить перед студентами, в любой новой аудитории. Он отзывался на текущие события английской жизни, к нему обращались как к общественному авторитету по самым разным поводам. И он часто давал очень емкие, очень содержательные комментарии. Я слышал, что в архивах газеты «Times» хранится до пятисот публикаций с общественными выступлениями Владыки. Он был действительно очень известным человеком в Англии. Друзья даже шутили о нем, что в период невероятной популярности Beatles популярность Владыки у англичан не очень-то им уступала. Может быть, не до такой степени, но, во всяком случае, его имя было на слуху у людей, и это была не пустая слава. И это тоже важный опыт, который мы еще не освоили, не осмыслили и не сумели сообщить русской аудитории. Ведь эти выступления были на английском языке, и мы не имеем доступа к архивам. Чтобы получить доступ, необходимо купить право. А это дорогое предприятие. И нужны, конечно, силы и понимание, что с этим материалом делать и как к нему приступать. Но мне кажется, что если мы к этому все-таки приступим, это будет еще одно открытие митрополита Антония.

Записала Александра Строчева

